

Муниципальное образовательное учреждение
«Нововилговская средняя школа №3»
Прионежского муниципального района
Республики Карелия

*Война, она и есть – война...
И тем, кто опален дыханьем лютым,
Та чаша горькая, что выпита до дна,
Не слаще даже... с праздничным салю-
том.*

*Война, она и есть - война...
И по сей день бывлые ноют раны.
И все-таки – наденьте ордена!
И с праздником Победы, ветераны!*

Поколение победителей

п. Новая Вилга
2010 год

Оглавление

Худякова Любовь Тойвовна.....	3
Тельц Семен Карлович	5
Тельц Элли-Лемби Степановна	6
Попова Эльвира Фоминична.....	8
Филинцева Римма Павловна	10
Сергиякова Анна Ивановна.....	13
Бойцова Хильда Адамовна.....	15
Логинова Валентина Анатольевна	18
Полькова Лидия Алексеевна	21
Мошников Григорий Алексеевич.....	25

Худякова Любовь Тойвовна

Родилась 09.07.1932 г., в Ленинградской области Красносельского района, д. Большие Рюмки. Очень давно живу в нашем поселке. Я пережила блокаду Ленинграда, два года наша семья жила на оккупированной территории.

Семья была очень большая. В 1941 году началась война, как раз я закончила 1 класс, два года мы жили под немцами. Наши семьи выгнали из обжитых домов в бараки. Там у меня умерла от голода родная младшая сестра. А мы были постарше и побирались у немцев. Они нам давали свои котелки, в которых где-то оставалась ложка каши или супа, мы их выскребали, мыли, а потом приносили немцам. Они нас не били, а отправляли домой.

Нас немцы отправили в лагерь в Эстонию, правда, я точно не помню, сколько мы там были.

Территория была охраняемая, там находились гражданские пленные из-под Ленинграда. Нас не обижали, но может, взрослых и обижали, а вот детей, я точно знаю, не обижали. Маме, например, разрешали спокойно выходить в город. Там, в основном, были женщины, но и мужчины были, но только их было очень мало, и в основном – пожилые.

Наша семья была большая, но нам давали сухой паёк: хлебушек, муку. Потом нас погрузили на грузовики и повезли в Финляндию, и опять мы жили в лагере. Так как у нас была большая семья: дети, бабушка, мама – нас в хозяйство не взяли. А другие семьи брали к себе в хозяйство финны. Мы, наверно, два месяца были в лагере. Потом нас довезли севернее, в город Конго. Там была школа, парней учили водить трактора. Я хоть и закончила 1 класс русской школы, но не научилась говорить по-русски, читала я по букварю. Читать я могла, но не понимала, что читаю. Меня посадили в 3 класс (по возрасту). Потом я закончила 3 класс, а в 4 классе еще полгода до Рождества училась. Как раз у нас мама родила малыша. Когда она рожала, то меня не пускали в комнату, и

я даже не знала, что мама родила. Потом, когда я зашла в комнату к маме, увидела, что мама лежит и держит в руках младенца. Я спросила: «Откуда, вы его взяли?» Мне все отвечали: «Соседи подбросили». А у соседей было в семье 12 человек, они были финны. Когда нас стали оттуда увозить, брат Коля спросил: «Куда мы этого малыша денем?». А я и говорю: «Так назад соседям под дверь и положим, почему это мы должны его воспитывать». Немного времени погодя нас отправили обратно в СССР.

В декабре 1944 года нас привезли в Ярославскую область, война уже заканчивалась. Там мы прожили 2 года. Хоть я уже была большая, меня опять отправили во 2 класс. Все дети тыкали в меня пальцами и кричали: «Мама, мама!». В колхозе было очень голодно. Нас, маленьких, жалели добрые люди, подкармливали: кто давал картошку, кто что мог,

Ветеранам п. Новая Вилга посвящается...

то и давал. Мы работали, но платили 500 трудодней в год. Что купишь на эти деньги?! Два года давали по 30 килограммов в год мерзлой капусты. Ели... Страшное было время!

Потом мы семьей поехали в Эстонию, потому что жить было негде. Но и оттуда пришлось уехать, т.к. у родителей была 58 статья. Нас погрузили в вагон, в котором было 114 человек. Долго ехали, искали работу и остановились только в Сибири, на кирпичном заводе в Кемеровской области. Я четыре года проработала на кирпичном заводе. Потом папа решил, что надо ехать домой, т.к. если мы будем жить в Сибири, то станем сибиряками, а он хотел, чтобы мы помнили свои корни.

Мы снова двинулись в путь, и в 1952 году приехали в Петрозаводск, устроились на работу в совхоз им. Зайцева. Я работала на стройке. Потом мы поселились в поселке Новая Вилга. На месте поселка еще в 1946 году были военные строения, подсобное хозяйство для военных частей. Дом, в котором мы стали жить, до сих пор стоит. А на том месте, где стоит школа, раньше росли деревья, кустарники и росла клюква. Когда мы сюда приехали, здесь ничего не было. Не было даже магазинов. Мы запрягали лошадей и ехали в город, покупали хлеб и другие продукты. Мой брат учился в начальной школе в д. Вилга, а потом в п. Виданы, куда они ходили пешком. Папа у меня умер в 1957 году. У нас ведь ничего своего не было, это потом мы стали потихоньку обзаводиться хозяйством. Бабушка Оля все время цветочки сажала.

Здесь же в поселке я познакомилась со своим будущим мужем Николаем Худяковым. Он старожил поселка. Мы с мужем ездили расписываться в п. Матросы в ЗАГС.

В совхозе были тракторы, и я научилась сама рулить. Ребята трактористы дадут мне трактор покататься и говорят, что если остановит милиция, то скажи, что ты трактористка, а права дома забыла.

Со временем совхозное хозяйство стали расширять, построили баню, кузницу, конюшню. Здесь еще был основан ЛПХ, но на данный момент его уже нет. В Новой Вилге стали строить сельскохозяйственный городок. Я работала в полеводстве. За хорошие урожаи выращенной мной капусты меня неоднократно направляли на ВДНХ.

У нас с мужем родилось двое сыновей: Александр и Сергей. А когда открылся силикатный завод, я перешла работать туда, оттуда ушла на пенсию.

Нам с братьями все время хотелось съездить на родину под Ленинград. Наша деревня называлась Большие Рюмки. На нашей стороне в деревне всего было 9 домов, а на другой стороне домов было больше, и она называлась Маленькие Рюмки. Когда мы приехали, то увидели, что дома, в котором жила наша семья, уже нет, он сгорел. Когда мы приехали с братом, пошли к хозяину дома. Он испугался, подумал, что мы претендуем на дом. Мы сказали: «Вы не волнуйтесь, мы просто пришли посмотреть на место, где стоял наш бывший дом». Позже, когда изменилась политика государства, некоторые могли вернуться, но мы в Карелии нашли новую родину. Так повернулась жизнь!!! Нам неку-

Ветеранам п. Новая Волга посвящается...

да было деваться, поэтому, как могли, выживали. Мне в июле будет уже 75 лет. Из всех своих братьев и сестер на данный момент в живых я осталась одна. Но у меня много внуков, правнуков. Я скучать не успеваю.

Тельц Семен Карлович

Я родился в Ленинградской области, в деревне Хитолово Щелковского р-на. Деревня у нас была большая. У нашей семьи до войны было исправное хозяйство. Отца я почти не помню, он умер еще до войны. В нашей семье перед войной сгорел дом, и в нем сгорела младшая сестра. Спасти ее не успели.

Наша деревня находилась в 45 км от Ленинграда, между Зубровкой и Ленинградом, поэтому она оказалась в блокадном кольце, и мы с мамой пережили блокаду Ленинграда.

Я был маленький, блокаду помню плохо. Помню, что во время блокады мы жили в колхозе, но весь скот из колхоза угоняли. Стада шли без конца...

Моя мама работала в колхозе. Нам давали картошку, тем и питались. Немцев мы не видели, потому что находились в блокадном кольце. На укрепление отправляли взрослых. В марте 1942 года, когда прорвали блокаду Ленинграда, к нам пришли люди в форме и сказали, чтобы мы собирали свои пожитки, потому что нас куда-то повезут на три недели. Я помню, как мы 15 км до станции на санках тянули свои вещи. Там нас посадили на поезд, затем на машину и повезли через Ладогу. Потом отправили в Якутию. Когда мы приехали в Якутию, у меня умерла мама, не пережив всех тягостей переезда.

Меня отдали в детский дом, где прожил одну или две зимы. Потом детский дом закрыли и всех малышей отправили в Якутск. Нас, подростков, отправили в Тикси на рыбную ловлю. Там я осень рыбачил на реке Лене. У меня появился друг татарин, звали его Мурат. Бригада, в которой я работал, была большая, а руководил нами опытный рыбак- якут. Когда на реке вставал лед, то шел омуль. Мы ставили сетки под лед и ловили рыбу в течение двух месяцев. Когда река Лена выходила из берегов, ближайшие деревни затапливало до самых крыш. Все люди, спасаясь от воды, сидели на крышах. Глыбы льда, которые оставались на берегу, были размером с мою комнату.

Там же я научился делать бочки. Целую зиму учился и работал. А потом нас отправили на участок, где большие круглые бочки мы набивали рыбой, закрывали и отправляли на реализацию.

Образование получить мне не удалось. Всего учился 1,5 года. Но я всю жизнь учился у людей. Если бы жизнь так не сложилась, я бы получил образование.

Когда я жил в Якутии, успел поработать на шахте, где добывали уголь. Я устроился в шахту крепильщиком. Забойщики уголь добывали, а мы шли следом и крепили породу деревом, чтобы она никому на голову не упала.

22 августа 1951 года был награжден Почвальной листом как лучший стахановец, отличившийся в социалистическом соревновании. Да, я был молодой и сильный. Тогда мне был 21 год. Работать я любил.

Ветеранам п. Новая Вилга посвящается...

Там же познакомился со своей женой. Я проживал в шахтерском поселке, а рядом было совхозное хозяйство, где и работала полеводом моя будущая жена Эля. Несмотря на то, что в Якутии вечная мерзлота, там вырастали овощи. Мы поженились, родились дети. Нам нелегко было жить, все время тянуло на родину.

В ноябре 1955 года мы с семьей переехали в Карелию, в поселок Новая Вилга. Поселок тогда был маленький, всего два ряда домов. Мы жили в районе улицы Школьной. Я устроился в строительную бригаду, строили дома в близлежащих поселках и в Новой Вилге. Я научился у друзей в бригаде работать бензопилой и потом работал в лесу. Нелегко жилось в то время. Но мы знали, чтобы выжить, надо работать, поэтому трудиться старались добросовестно.

Семен Карлович имеет большое количество грамот, которыми он награжден как рабочий строительного цеха за многолетний добросовестный труд и за выполнение норм выработки на 120%.

Тельц Элли-Лемби Степановна

Родилась я в Хиттолово, 30 км от Ленинграда. Там жили бабушка с дедушкой, а в доме рядом мы с мамой и папой. У меня было 2 сестры. Папа работал бригадиром тракторной бригады. А папин брат и мамин брат были отправлены учиться на бухгалтеров в Петрозаводск. Они были молодые. После окончания учёбы дядя Ваня остался здесь, в Петрозаводске. А второй дядя приехал в Хиттолово, жил у нас, т.к. в это время дедушку и бабушку увезли как кулаков, а дом отобрали. Он работал в Ленинграде. Однажды ночью приехали и забрали нашего отца, а следом и дядю забрали прямо с работы. Остались мы одни.

А через некоторое время началась война, блокада. Мне было 11 лет, а мои сёстры были младше: Лиле было 5 лет, Унелме – 9.

Наши дома все разобрали и увезли. А нам сказали: «Вы здесь жить не будете, здесь будет военная часть» (это было рядом с финской границей). Был в деревне один дом, и нас, 8 финских семей, заселили в него. У нас была корова. Потом привезли очень много беженцев, они жили в школе. Они очень плохо говорили по-русски. Через некоторое время они стали умирать, осталось меньше половины. Питаться было нечем, карточек нам не давали, давали овса на день, так мы его мололи, варили и ели. А у них вообще ничего не было. Но им давали карточки, а магазин был за 8 км, в д. Токсово. И зимой, пока шли до магазина, – умирали. У нас был мужчина, у которого оставили лошадь. Он два раза в неделю ездил в Токсово, а по дороге подбирал трупы и отвозил на кладбище, говорил, что некоторые ещё шевелились.

Однажды к нам пришёл мужчина и сказал: «Собирайтесь, с собой много не берите, только постельное и сменное бельё, вас увезут всего на 2 недели». Собрали всех финнов, посадили на лошадей и повезли к Ладожскому озеру. Маму с нами и бабушку с двумя сыновьями увезли (остался дядя Ваня в Петрозаводске и дядя Матвей, он рабо-

Ветеранам п. Новая Волга посвящается...

тал в Ленинграде заведующим кафедрой истории КПСС¹). Там пересадили на машины и повезли через Ладожское озеро. Мы, дети, как сели в грузовик, уснули. Говорят, что много машин ушло под лёд. А наша машина, слава Богу, доехала до другого берега. На берегу нас, голодных, очень хорошо накормили и посадили в товарные вагоны. В вагоне были полки, небольшие окна, детей на полки посадили, а взрослые – на полу. Вагоны были забиты людьми, свободного места не было. Моя бабушка с сыновьями ехала в другом вагоне. Люди стали умирать. На остановках выходили в туалет и выносили трупы, не хоронили, просто оставляли. Потом нас посадили на баржу, в трюм, довели до какого-то места, а там пересадили на пароход. Так мы доехали до Якутска. В Якутске больных высадили, а т.к. моя бабушка заболела, то её с двумя сыновьями оставили, а нас повезли дальше к Ледовитому океану. Это страшно!

На вокзале в Якутске подошла женщина и очень просила у мамы отдать ей Лилю. Говорила, что ей у неё будет хорошо, что она её вырастит, но мама сказала: «Нет, где я – там и она». Нас везли ещё, наверно, 1000 километров, в Титары. Там, куда нас привезли, был большой склад для мороженой рыбы и якутские торбы, которые отапливались костром. Нам было очень интересно, что все якутские женщины курили трубку. Среди нас были ещё литовцы. Вечером надо ложиться спать, а некуда, земля замёрзшая, апрель месяц, даже досок не было. Сделали палатки, тряпки, какие были, постелили и спали. Утром проснулись, а Лиля говорит: «Мама, я ничего не вижу». У неё глаза опухли. Потом пришла баржа, привезли досок. Сделали из досок бараки, как у заключённых, нары, на которых спали. Дров, угля не было. В оленье нарты запрягались женщины и издалека возили корчи – это всякие дрова, которые принесло водой, – и этим топили печку. Одна женщина умерла, когда тянула эти нарты. Я с её сыном училась в одном классе, когда нам школу построили. Потом построили барак и разделили на маленькие комнаты для семей с детьми, и даже печки поставили. Нас, 3 семьи с детьми и женщину с больной мамой, поселили в такую комнату. Места совсем не было, только проход, кушали на своих кроватях. Потом построили баню. Мама ходила на рыбалку, приносила нельму, таймень, омуль – большую, жирную рыбу. Наверно, благодаря рыбе, мы и выжили. Денег не было. Когда мы пошли в школу, то многодетным семьям давали деньги, а нам, как врагам народа, ничего не давали. Мама ходила стирать начальникам, за это ей платили, что-то она могла купить. Но очень много людей умирало, особенно литовцев. Хоронили на кладбище, но глубокую могилу было не выкопать, т.к. земля мёрзлая. Весной, когда оттаяло, на кладбище цветы зацвели, и мы бежали туда. Вокруг и трупы были видны, и сапоги резиновые, ведь как умер – в том и хоронили, без гроба. Собак было много – они всё это растаскивали.

Потом нас перевезли ближе к Якутску, на остров. Там мама работала дояркой. Я там закончила 5 классов. В этом месте весной было сильное наводнение. Мамы дома не было. Она уехала на Горный Алаш. Мы пошли на работу, а крысы бегут нам под ноги. Потом стала прибывать вода. А все бараки были внизу, школа, только дом управляющего один был на горе. Сначала не испугались (на севере часто поднималась вода, мы привыкли), а потом увидели, что на нас идут огромные льдины. Мы поднялись в барак, сидели на крыше, а всё, что было внизу, снесло. Лёд остановился примерно в 1 км от нас, если бы дошёл до нас – нас бы затопило. Наш барак был уже наполовину затоплен. Над нами пролетал самолёт, смотрел, живы ли мы, и передал дояркам, что все погибли. Спасать нас никто не собирался. Мы несколько дней так и сидели на крыше, пока вода не ушла. Наш барак снесло, все, что и было у нас – пропало. На льды привезли соли, и они быстро растаяли. А летом там было очень тепло.

¹ На исторической родине ингерманландских финнов, в Ленинграде и Ленинградской области, помнится, только один человек с финской фамилией оказался на руководящей работе. В среде научной интеллигенции, правда, Матвей Коронен занимал должность заведующего кафедрой истории КПСС в Ленинградском институте культуры имени Н.К. Крупской. (Л.А. Гильдии. Расстрелы, ссылки, мученья. С-П, 1996).

Ветеранам п. Новая Вилга посвящается...

После этого опять погрузили нас, коров и перевезли в другое место. Там была угольная шахта, там я познакомилась с Семёном, моим будущим мужем. Опять жить было негде. Мужчины стали строить барак, а мы жили в новом телятнике. А через речку было общежитие холостяков, в нём жили шахтёры и геологи из Ленинграда. Парни узнали, что мы приехали, и пришли к нам. У них был большой клуб, и мы в этом клубе танцевали. А Семён тоже, как и я, был сослан, но они с ребятами удрали из Титоров на пароходе.

Одежды не было, обуви не было, в школу ходить было не в чем. И нам дядя Толя с Якутска прислал бабушкину шубу, очень хорошую, длинную, она же была богатая. Мама её обрезала, верх сама носила, а из нижней части сшила нам обувь. Бабушка уже в это время умерла, она недолго прожила в Якутске. Старший сын Фома потерялся.

У них была большая семья: Ваня, Матвей, Фома, Толя и 3 девочки: мама, сестра Мария (работала во время войны учителем в Олонце) и сестра Аня. Мама была самой старшей.

Я в Якутии вышла замуж, Унелма, сестра, тоже вышла замуж. И так мы жили 12 лет. Нам с Семёном дали квартиру в бараке. А позже за его хорошую работу дали квартиру в новом доме на берегу реки (2 комнаты и кухня).

Всё это время мы ничего не знали про папу. Когда его увезли, мама хотела узнать про него хоть что-то. Ей сказали, что он осуждён на 10 лет без права переписки, и больше не стали разговаривать. А позже мы узнали, что его через неделю расстреляли.

Потом, когда Сталин умер, нас перестали считать врагами народа. Семёна взяли в армию на 3,5 года. У меня было уже 2 ребёнка, и я была беременна третьим. Всех детей я родила там. Работала поваром. Я взяла маму, Унелму и Лилю к себе, до этого они жили в бараке. Как только нам дали разрешение переехать, мы поехали в Хитголово, а Унелма осталась в Якутии. Но там не было жилья. Мы пожили в сарае. Хотела найти в Ленинграде дядю Матвея, но не нашла. Мама предложила поехать в Карелию к дяде Ване и дяде Толе. Ещё здесь жила папина сестра с мужем. Дядя Ваня нас устроил в Новой Вилге. Позже и Унелма с семьёй переехали к нам.

Попова Эльвира Фоминична

В нашей семье было 6 детей: 4 брата, сестра и я. Самый младший умер, когда ехали в Сибирь. Один брат живёт сейчас в Петрозаводске.

В Сибирь нас увезли 28 марта 1942 года.

Блокада ещё не закончилась, но открыли дорогу по Ладоге. И нас всех: детей, маму, бабушку - должны были отправить. Отец тогда уже умер, т.к. он долго был в плену у немцев. Есть было нечего, и у него заболел желудок. Трое детей у нас уже не ходило от голода. У нас была корова, жила в доме (боялись воровства). Она должна была телиться,

Ветеранам п. Новая Вилга посвящается...

думали, зарежем, хоть мяса поедим. Не успели зарезать, пришли милиционеры и всё забрали. Они сказали, что кого-то надо арестовать. А бабушке было 75 лет, вот она и сказала: «Я пожила уже, так я и пойду». И всех, кого забрали, расстреляли. В войну же, как было: на 5 минут опоздал – расстрел. Вот за то, что зарезали корову, – расстрел. А мяса нам ни капельки не оставили, так мы его и не поели.

Когда ехали по Ладогe, а был уже март, дорога была уже в ямах, наша машина провалилась. Всех людей выгрузили на лёд. Ветер, холод. Но машину вытащили и поехали дальше. А когда Ладогу проехали, нас разместили на ночь: кого в дома, кого в церковь. Нас накормили. Умерло очень много людей. Из 120 человек осталась половина, где-то человек 60. Потом нас везли ещё месяц. Начался тиф. Нас держали 2 месяца в карантине. Опять много людей умерло. Затем нас везли на барже по Енисею. Люди, которые там жили, нас распределяли: кого оставили, а кого дальше отправили. Мы остались. А через Енисей был Красногорский совхоз. Мама с двумя братьями поехала туда, я с братом осталась. А брат был больной – рахит (от голода). Но мир не без добрых людей: рядом жила Акимова тётя Ариша с мужем и тремя детьми. Они тоже были приезжие, но приехали раньше, у них в комнате была печка, и она каждое утро приносила нам по большой картошине, которую запекала в русской печке, и по кедровой шишке. Тётя Ариша что своим детям давала, то и нам приносила. Вот тут мы немного поправились. А потом нас мама забрала к себе. Мы жили в селе Черемшанка четыре года. Там были хорошие поля, растили хлеб, картошку. У меня подружка была – украинка, мы с ней вместе ходили в школу. Я закончила четвёртый класс и немного поучилась в пятом. Война закончилась в мае 1945, а в ноябре нас повезли домой.

Мы приехали домой 7 ноября. И вот 7 ноября у нас опять не было ни куска хлеба, ни денег. На улице ноябрь, праздник, а мы пошли картошку копать, хотя земля была замерзшая.

У нас была маленькая избушка. Жили как селёдка в бочке. Спали все на полу. Мы там жили, там же прописались, старшие ходили на работу.

И вот опять нас выгоняют с места жительства. А в Карелии нужны были люди и нас отправили сюда. В Карелию нас привезли в 1946 году и поселили в деревне Матросы. Мама попала в аварию и очень долго лежала в больнице, а затем она уехала в Эстонию. В Матросах я была одна, братьев забрали в детский дом в Святозеро, т.к. папа работал.

Тех, кто мог работать, отправили в г. Петрозаводск дома строить. Мне было 16 лет. В Петрозаводске я работала на домостроительном заводе. Мы жили в женском общежитии, где было холодно, не было ни дров, ни тепла. Был страшный голод. Через дорогу был участок совхоза имени Зайцева, где выращивали свёклу. Девчонки, которые были постарше, ходили туда воровать. Я не ходила. В Петрозаводске я прожила примерно год, потом опять в Матросы уехала.

И в 1948 году с Раутонен Хильдой Семёновной я приехала сюда, в Новую Вилгу. Тут было 2 барака (на месте деревянных домов по ул. Коммунальной) и контора. В одном бараке было 4 квартиры. Мы и ещё одна семья жили в доме у Раутонен Хильды Семёновны. В то время у речки была деревянная баня. Там, где сейчас баня, был скотный двор. Магазинов не было. На лошадях привозили продукты из города. И дорог не было. Дорогу, которая ведет в город, мы сами строили. В то время было уже подсобное хозяйство погранвойск. До 1948 года, говорят, были здесь заключенные.

Я работала в подсобном хозяйстве погранвойск. Здесь держали коров, принимали молоко. Потом это хозяйство перешло к совхозу имени Зайцева. Техники не было, только лошади были, даже конюшня была. На лошадях сажали картошку, ездили за опилками. Потом стало приезжать больше людей из других деревень.

Были молодые, в воскресенье ходили на танцы в Вилгу. Было весело, хорошее было время!

Ветеранам п. Новая Вилга посвящается...

5 лет жила в Петрозаводске. Потом вышла, замуж и уехала в Вологодскую область, жила в 5 км от Вытегры. Работала в леспромхозе, жила в общежитии. Мне там нравилось.

В 1968 году мы снова приехали сюда. У меня уже дети были. Двоих похоронила там, в Вологодской области. Вот с тех пор я здесь и живу.

Работала в теплицах, оттуда и вышла на пенсию. Есть грамоты.

Филинцева Римма Павловна

Я родилась в Ленинградской области. Когда моя мама была беременна, мы из Ленинграда уехали в Вологду. В документах написано – 1928 год рождения, а я с 1927 года. По паспорту мне 80 лет, а по биологическому возрасту 81 год. Семья у нас была хорошая. Все родственники были интеллигентные люди.

22 июня, когда началась война, мама сказала, что надо уезжать, а папа говорит: «Не надо, мирных жителей не тронут». Но все-таки мы уехали. В это время мне было 13 лет и я собиралась в шестой класс. Взяла с собой все учебники шестого класса и начала проходить курс самостоятельно. Больше с собой мы ничего не брали. Брата в это время отправили повесткой в военное училище. Он и погиб в 1944 году.

Когда мы ехали через Лодейное поле, нас уже начали бомбить. В Лодейном поле был двухэтажный дом, но пол там был гнилой. В этом доме мы жили после бомбежки. Можно сказать, что мы вышли на военную стезю совершенно «голые». Когда мы ехали в поезде, уже начались холода. Разбомбили наш поезд, и мы оказались в лесу всем семейством. В этом лесу оказалось очень много народу.

Наступили холода, но мы оставались в лесу. Кроме нас там было много других людей. Папа выкопал землянку, в которой мы и перезимовали. Всё топились по-чёрному. Питались растительной пищей: ели ягоды, скребли кору, а из неё родители варили кашу. Я удивляюсь, как же мы выжили. Сухарей мы не сушили, потому что не думали, что будет война, хотя уже народ говорил, что видели колонны с военной техникой.

Потом начали бомбить тот лес, где мы жили. Бомбили очень часто. С этой стороны бомбили наши, а с другой стороны – финны, а посередине оказались мы. Они вели перекрестный огонь через лес, поэтому мы остались живы. Только видели, что летали самолёты, сбрасывали парашютистов. Вдруг утром, в какой-то день, заходит финский солдат в военной форме, а мама моя говорит: «Надо же, у них и рогов нет» (было мнение, что фашисты с рогами). Через лес вывели нас на шоссейную дорогу к железнодорожной станции Ковра и погрузили в товарные вагоны. У кого какие-то котомочки были, у меня был портфель с собой, у мамы была котомка. Дома у нас осталась большая библиотека. Мы её не взяли – зарыли в яму под домом, но потом всё пропало. Везли нас, наверно, дня три. Было очень тяжело, дети сильно плакали.

Привезли в Петрозаводск на Голиковку. Была осень, на улице стояла мрачная, дождливая погода. В городе лагерей было шесть или восемь. На Перевалке был шестой лагерь, там поместили меня и моих родных. Нас разместили в бараки. Я, мама, папа и брат жили в комнатке около 10 квадратных метров. Дети, конечно, не так переживали, как взрослые. Питаться нечем, одеваться не во что. Голодно и холодно. Тут пришли

Ветеранам п. Новая Волга посвящается...

финны, составили списки и дали муку. Вкус баланды (каша из муки) я помню до сих пор. Сначала ели без соли, потом стали соль давать. Под страхом расстрела взрослые женщины ходили на поля совхоза имени Зайцева за мёрзлой капустой. И вот однажды нас выгнали всех из бараков на площадь. Вот этот случай был страшнейший. До сих пор я помню окровавленную женщину, которую притащили под конвоем солдаты, положили на длинный стол посреди площади и били розгами за то, что она ходила за мёрзлой капустой. А ведь детей чем-то надо было кормить. Её так избили, что кровь лилась из её спины. А мы, дети, стояли и плакали. Она, конечно, потом умерла. Это было такое устрашение, что не дай Бог уйти за проволоку!

Финны очень чистоплотные и боялись заразных болезней. Они нас всех пропустили через санпропускник. На Достоевского стояла баня, вот в этой бане нас выпарили, продезинфицировали всю нашу одежду и обувь. Мы часто болели, а врачей не было. Несмотря ни на что, жизнь продолжалась.

У меня было огромное стремление к учёбе. Я занималась по своим книгам для 6 класса. Можно сказать, что за 3 года оккупации изучила курс 6 класса.

У финнов не хватало рабочей силы. Они нас начали вывозить за город разбирать разрушенные дома. Здесь находили и одежду, и обувь. Ведь люди уезжали, бросая всё. Мы начали одеваться.

Я попала в список «белых детей», евреев они очень не любили. Нас назначили убирать военные казармы, они до сих пор существуют в конце Урицкого (Невского). Там попадались и хорошие люди. Они нас начали подкармливать. Даже давали ведёрки с геркулесовой кашей домой. Я кормила и семью, и соседей. Вот благодаря этому мы и выжили. А ведь многие умирали. Мы мыли посуду, драили полы, но я постоянно думала о том, что если бы был яд, я бы подсыпала его в котёл. Мы были патриотами, хотя ко мне хорошо относились. Потом меня записали на лесозаготовки в Падозеро, а семью не брали, они остались в лагере. Я обратилась к начальнику этой казармы (не боялась) и попросила, чтобы мне разрешили остаться в этой казарме. Так что мне тут опять повезло. Я осталась в этой казарме.

За водой мы ходили на Онежское озеро в определённые часы. Если не успеешь до определённого времени прийти, то останешься за проволокой. Но потом нашу семью всё-таки с небольшим коллективом отправили в Падозеро на лесозаготовки. Вот тут уже страшно было. Там отряд был очень жестокий. Если не выполнит норму взрослый человек – его били. Нас, детей, на работу в лес не брали.

Мы были молодые, отчаянные, и под страхом убежали на танцы. В лесу был какой-то сарай, где мы танцевали. Молодость своё брала. В это время до нас стали доходить слухи, что приближаются наши войска. Наши парни (и мой брат родной в том числе) каким-то образом устроили побег. Их в лесу поймали, хотя наши самолёты уже летали, и повезли в Финляндию. Финны стали всю молодёжь отправлять в Финляндию. Меня тоже должны были забрать, но меня мама спрятала в подвале. И вот приходит финн, ему, наверно, сказали, что в этом доме осталась девушка. Но мама есть мама. Она на него бросилась, стала плакать, уговаривать, и он махнул рукой и ушёл. Пожалел. Падозеро опустело. Успели спрятать ещё одну девочку. Когда мы выходили на улицу, на нас смотрели как на врагов, потому что всю молодёжь увезли, а мы остались. Но потом наши парни во время бомбёжки сбежали и через 5 дней вернулись.

Потом мы узнали, что наши подходят к Петрозаводску.

Я всё-таки ценю некоторых финнов. Вот начальник нашего посёлка дал всем муки и хлеба и предупредил нас о том, что придёт карательный отряд, который либо всех расстреляет, либо вывезет в Финляндию. Но карательного отряда не дождалось, мы побежали навстречу нашим войскам. Что удивительно, когда мы, ребяташки, бежали – ничего не боялись. А после нас на этой дороге было очень много взрывов. Дорогу финны заминировали, и погибло очень много народа. Вот так мы освободились. Страшное

Ветеранам п. Новая Вилга посвящается...

было время, остались грустные воспоминания. Но потом мы перебрались в Петрозаводск в пятый посёлок. Стали обживать. Это был 1945 год.

Брат пошёл в военкомат, ему было 20 лет. Мне было 17, я пошла работать и учиться в 7 класс в вечернюю школу, потому что 6 класс я закончила в лесу. Для меня счастье – идти в школу. Вечером темно, на Первомайском проспекте ни огонька. Все большие дома были разрушены, остались только деревянные. В школу ходила с удовольствием. Коптилка была в школе, коптилка была дома. Вот такая была юность. Тяжело было, но была радость победы. Когда объявили победу, целовались и обнимались незнакомые люди. Кричали: «Победа!».

Начали восстанавливать город. Таскали цемент и кирпичи. Восстанавливали железнодорожную станцию, электростанцию. Где сейчас находится Русский драматический театр, тогда были одни развалины. И всё это мы разбирали и восстанавливали после страшной разрухи. Были и мародеры, которые грабили квартиры и богатели. Мы знали таких людей.

Я работала и училась, закончила 10 классов, подала заявление в военную медицинскую академию (хотела стать врачом), но мне сказали, что девушек не принимают. Увидела объявление, что принимают документы в Ленинградский сельскохозяйственный институт. Подала документы. Конкурс был очень большой: 5 человек на место. Все хотели учиться. После окончания института в 1954 поехала в Шушском Костромской области. В Петрозаводск вернулась по вызову дяди, который работал на опытной станции. В Петрозаводске жила 22 года на Первомайском проспекте, потом дали квартиру на улице Ленинградской, а затем переехала в Новую Вилгу. Работала на опытной станции.

Были молодыми, мечтали о будущем, надеялись на лучшее.

Жизнь прошла быстро, даже не заметили.

В Новой Вилге я начала работать с 1960-го года. В Вилге в то время дома были деревянные. Все эти дома начали строиться еще при А.И. Петрове. Александр Иванович был очень энергичным человеком.

Здание опытной станции мы строили сами. Кирпичи собирали, мыли окна, полы.

Я была комсомолкой, но в партии я не была, секретарь у меня спрашивал: «У вас нет врагов народа?», а я спокойно отвечала: «Папа мой был врагом народа. Его арестовали из-за того, что он был раскулачен». Он был враг народа, из-за этого я не пошла в партию. Сейчас он реабилитирован.

Мы жили в Ленинграде, а у папы был дом на Вологодчине. Когда папу раскулачили и стали притеснять как врага народа, мы уехали в Лодейное поле. Ездили мы с ним сдавать серебряные ложки, чтобы нас всех прокормить. У мамы было 2 холостых брата (один – профессор, другой – главный инженер), и они присылали дорогие вещи своим сёстрам. А мама меха и дорогие вещи берегла для меня. Тётя Катя вначале была арестована как шпионка, она изучала немецкий язык. Однажды чей-то сыночек сказал: «Не буду учить немецкий, они – фашисты». А она ответила: «Немецкий язык – не фашист, немецкий язык будет жить всегда». А у него папа был где-то в верхах, и ей дали 15 лет. Просидела она в Кирилловской тюрьме в Вологодской области два года. Привезли живые мощи. Она настолько была худая, что весила всего 28 кг.

Так что судьба нашего поколения была очень тяжёлой, но я зла на советскую власть не имею. Всё-таки нам дали бесплатное образование и лечение бесплатное.

Я очень люблю стихи. Мы жили в пятом посёлке, дорога там была длинная. Идешь, стихи читаешь, чтобы время короталось. Было время, когда я всего Евгения Онегина знала.

Я пела в железнодорожном хоре, а потом в институтском. Потом еще несколько лет у Людмилы Николаевны Лихторович в хоре пос. Новая Вилга. Моя личная жизнь не очень удалась. Я одна воспитывала свою дочь. Она сейчас детским врачом работа-

ет. Катя, моя внучка, окончила школу с серебряной медалью, затем окончила университет, работает программистом.

Мой общий стаж работы - 56 лет.

Вот такая у меня была жизнь.

Сергиякова Анна Ивановна

Я вот честно говорю, что с 4 класса сама пекла пироги, так как мама уезжала к брату, а брат жил за 150 км. Мама в то время второй раз вышла замуж. Я вечером ставила тесто, утром перед школой вставала пораньше, затапливала печку и пекла пироги, а потом уходила в школу, а папа пироги из печки вынимал. Пироги получались круглые, как хлеб, и калитки тоже пекла. За 2 км от нас работал почтальон Блинов Володя. Когда он приходил в деревню, заходил к нам в дом – говорил: «Хозяйки нет, а пироги с самого утра готовы».

Я родилась в Ведлозерском р-не в д. Куйконоволок, в 13 км от Ведлозера. Деревня наша была на полуострове, полей было мало, для картошки земли немного было. Магазинов вообще не было. Поэтому в магазин и на сенокос добирались на лодках. Дорог не было. Дорога была только до д. Ильвола, всего 2 км.

При царе, мама рассказывала, осенью мелкий лес рубили, чтобы лежал зиму, а весной сжигали. Потом это место мужики сохой пахали, тракторов в то время еще не было. Это было, когда мама замуж вышла. А вышла замуж она в богатую семью (имели свои магазины). У моей мамы было 14 детей: 10 сыновей и 4 дочери. Два раза рожала двойняшек. Остались мы с братом - остальные умерли, потому что не было врачей. Мы с братом выжили вдвоём. И войны не было, а детей много умирало. Мужики пахали, рожь сеяли, овес и т.д. Было 15 коров, их всех нужно было подоить до 5 утра. Коров пасли, веники заготавливали. А один раз на пастбище у мамы начались роды. Она опустилась в яму, родила двойняшек, а вокруг никого нет, да и коров надо гнать. Хорошо, что она пеленки с собой взяла. Пастух там пас своих коров, так он говорит: «Иди домой, Кузьминична». Пошла назад домой - 2 километра. В одной руке ребёнок, в другой руке ребёнок. Зато крепкая была. Больниц она не знала, мало болела. Трудилась до последней минуты. Последние годы она жила на Ключевой. Умерла в 1969 году на 84 году жизни.

У нас коза была, овечки. Я овечек стригла, а потом пряла пряжу. Мама боялась, что я ничему не научусь. А я у тёти Оли Анфимовой брала ткацкий станок и ткала. Вставала в 6 часов и начинала ткать. Из этой ткани мужикам шили рубахи, кафтаны, брюки.

Когда в июне началась война, мне было около семи лет. У нас в деревне все лодки забрали, остались только челноки, выдолбленные из осины. А на челноке 15 км не поедешь, да и волны они боялись, переворачивались. В деревне всех мужиков забрали, остались старики, женщины да дети. Все ушли на сенокос далеко, там и ночевали в сараях. У меня папа в то время очень сильно болел, мама взяла папу на плечи и километр несла, чтобы меньше на челноке ехать. Я тоже была с ними, меня мама никогда не оставляла, всегда брала с собой. Мы там ночевали 2 или 3 ночи. Потом папа стал говорить: «Вези меня домой, я скоро умру, не хочу здесь остаться». Принесли его домой, он

Ветеранам п. Новая Вилга посвящается...

уже сам не ходил, слабый был. Папа попросил положить его на лавку и принести ему яиц. А в деревне ни у кого кур не было. Мама положила его и пошла в поселок. Когда пришла – он уже умер. Папу-то нужно было хоронить, а все люди в лесу. Могилу копали я, мама, дядя и тётя. Нужно было быстрее похоронить, потому что самолёты уже над озером летали, бомбили. Надо было быстрее уходить в лес. Когда бомбёжка закончилась, вернулись в деревню. Мы с мамой вдвоём остались в доме. А когда уже финны пришли в нашу деревню (это было летом), всех людей собрали в один дом и провели регистрацию.

Зиму жили у себя дома. Недалеко от нашей деревни была д. Койвусельга. Там до войны был леспромхоз, были бараки. Очень много русских попало туда в плен, и заключённые жили в этих бараках. Охраняли их финны. Это был 42 год. Видимо, людей кормили плохо, так они приходили к нам в деревню. Приходили даже из деревни Кодасельга, которая находилась в двух километрах от нас. Зимой хорошо было: можно пройти по озеру, а летом нужно идти в обход. Бедные солдаты были: ходили, побирались, просили хлеба. Солдат жалко было, ведь русские. В газетах пишут про лагеря, а про военных людей ничего не пишут. Заключенные работали на финнов, лес заготавливали. А куда лес финны увозили – не знаю. Деревня Койвусельга делится на две части: есть деревня и посёлок. Вот в посёлке и был концлагерь. Зиму 1942 года жили дома. А когда пришли финны, то они выгнали нас - папиного брата и ещё три семьи - из своих домов. Мы на саночки, которые дедушка сделал, погрузили какие-то вещи. Это уже был апрель. Берега начали таять. Мы шли по озеру, на озере лёд был крепче, чем у берегов, а от берегов кидали дощечки. Девять километров шли по озеру. Дошли до деревни Юргелица. Финны дали нам лошадь. Надо было 40-50 км ехать через Савиново, Каскисельгу, Ламбисельгу. Там были хорошие поля, не как на нашей родине – каменистые. У кого были старики – заняли дома получше, а нам с мамой достался последний дом, а дальше были сгоревшие дома.

Дали лошадь. Началось лето. Маме дали два гектара земли для обработки. День она пашет, меня заставляла боронить. Поднимет меня на лошадь, подложит под меня сено, ведь тяжело сидеть целый день на лошади. Она сеет (рукой кидает зерно), а я веточки кладу, чтобы она знала, куда упало зерно и не потерять ряд. А я брала метёлочку и подметала, чтобы семя спряталось под землю, чтобы его птицы не склевали. И вот целый день ходишь и подметаешь. Зато всю деревенскую работу знаю. Потом, когда мама всё посеет, начинается сенокос. Для лошади надо было сено косить. Она вручную косит, а я сушу. А потом надо сено стоговать, в копны таскать. Носили на палках. На две большие палки клали большую копну сена. Она впереди идёт, а я сзади. Мне даёт концы длинные, а где тяжелее, то сама берёт. Я понимала, что мама меня жалеет. А потом начинали жать. Мама вручную жала и овёс, и ячмень, и пшеницу, и рожь. Жала до темна. Меня учила, но я палец порезала и больше не жала. Всё, что вырастили, нужно было собирать в снопы, а зимой молотить. Молотили в ригаче (риге), с вечера нужно было навозить туда снопы с поля, развесить, затопить печку. А пока печь топится ночью, мама там сидит. А потом, когда надо было молотить, меня поднимала. Я держу лучинку, а она молотит. Это до утра. А как светлеть начинает, мама начинает продувать зерно на воздухе. Чистое зерно нужно было самим возить за 10 км в Савиново. Всё, что собирали, всё отвозили, оставляли зерно только на будущий год для посева. Финны примерно знали, сколько с этой земли можно получить зерна, поэтому для себя ничего не оставалось.

В деревне жили 3 или 4 финна. Конечно, колючей проволоки не было, но они следили, чтобы мы не убежали, а работали на них. Всего нас было 8 семей. А сами мы ели крапиву, гнилую картошку. Так мы жили с 1942 до 1944 года.

В 1944 году, когда нашу деревню освободили, столько было наших солдат! Я тогда ни слова не знала по-русски, мама тоже не знала. Мама пошла за водой на колодец. Когда она шла домой с полными вёдрами, то наши солдаты выпили всю воду, и в итоге

Ветеранам п. Новая Волга посвящается...

мама пришла домой с пустыми вёдрами. Солдаты ведь не знали, где колодец, и вот всю воду у мамы выпили.

После войны тоже тяжело было. В этот дом приехала семья из Архангельска, которая раньше в нём жила. Они были эвакуированы. Приехала хозяйка с сыном (он ещё в школу не ходил) и двумя девочками. Зимой мы жили в одной комнате, а они в другой.

Люди выжили лишь из-за того, что поля были засеяны. В Миккилицах, в Салминичах было мало народу, и там вообще ничего не сеяли. К нам приходили люди, просили милостыню, чтобы как-нибудь выжить.

Домой мы вернулись зимой в 1944 году, война ещё не кончилась. Закончилась она в 1945 году. Но в доме жить было нельзя, так как печка была развалена. Жили сначала на квартире у родственников. Брат был на фронте, когда вернулся в 1944 году, то я у него нянчила племянника с племянницей. Вот такая жизнь была.

До войны я не училась. Учиться начала после войны. Я закончила 4 класса. Знали бы вы, как было тяжело! Я в солдатских сапогах 41- 42 размера ходила в школу. Мама сама шила фуфайки, если это можно было назвать фуфайками. В то время ни кофт, ни рейтузов не было. В школу за 2 км надо было ходить. Вода весной очень поднималась. С одной стороны – болото, с другой – болото, а дорога очень низкая была. Приходишь в школу – ноги по колено сырые. В первое время я не догадывалась брать запасные портянки, а потом брала.

В 1945 году, когда война закончилась, я нянчилась с племянниками.

Иногда сама рыбачила, даже на уху ловила. У меня был очень хороший брат (он и сейчас живёт в Петрозаводске) и хорошая невестка. Каждое воскресенье мама пекла калитки. Ходили в часовню. Там такая красота! Я нигде такой красоты не видела!

Года 2-3 назад ездили на родину, где у меня папа похоронен. Он умер 24 июля 1941 года. Ездили я, брат, племянница с мужем. Часовня стоит, но все там украли. Наш дом не сохранился.

Бойцова Хильда Адамовна

Родилась я в 1927 году в городе Пушкин. Мы жили не в самом Пушкино, а рядом. У нас деревня была многонациональная, в ней жили финны, евреи, татары.

Из детства мало что помню. Помню, что шалунья была, с друзьями ползала по чужим огородам за ягодами.

В 1937 году за папой приехал «черный ворон» (машина черная НКВД). Я проснулась, когда с меня сорвали одеяло. «Это кто?» - спросили люди из НКВД. Мама сказала им, что я её дочь. Тогда мне было всего 10 лет. В данный момент мне 80 лет. Мама спрашивает у них: «Шапку брать?». «Возьми – пригодиться», - ответили люди в чёрном. Время было ближе к зиме. Когда мама собрала ему теплую одежду, папу увезли и многих других тоже увезли. В то время «черный ворон» ездил по нескольким домам и забирал мужчин. А забрали отца из-за того, что кто-то наклеветал на него. Раньше было так: соседский дед напишет, что не доволен, вот и пожалуйста, ты попадешь в черный список.

После мама ездила, искала его, но папа пропал, и мы не могли его найти. Мама работала в Ленинграде на заводе. Старшая сестра, 1924 года рождения, училась в историко-архитектурном техникуме, а я закончила всего 5 классов, война помешала. Брата взяли в 1940 году в армию, там он и пропал. Похоронки не было, была только весточ-

Ветеранам п. Новая Волга посвящается...

ка, что пропал без вести. В Ленинграде есть две тюрьмы. Есть «Пересыльная», и есть «Кресты». У нас один мужик в деревне был, он пьяница. Выйдет из тюрьмы, снова чего-нибудь натворит, и его обратно посадят. Он всегда говорил маме, чтобы она не прекращала искать отца. Он сидел в «Крестах». Мама приносила разные передачи, чтобы помогли найти его, но и это не помогло. Через какое-то время мама нашла его в тюрьме, и ей сразу дали с ним свидание. Папа сказал маме, что его судила «тройка». «Тройка» - это значит судья, прокурор и адвокат. После суда увезли его. У нас много людей отправляли, кого в Сибирь, кого куда.

Наша семья была небогатой, можно даже сказать, бедной. Когда мама работала в Ленинграде на заводе, она была стахановкой. Раньше было стахановское движение.

Нас хотели из деревни увезти, но отъезд все откладывали. Некоторые семьи, как нашу, оставили в деревне. Мама продолжала работать на заводе.

В 41-м началась война. Тогда у нас был свой дом. Из Ленинграда к нам постоянно приезжали дачники с детьми отдыхать.

Мама с сестрой уехали в Ленинград на работу и на учёбу. А в это время разбомбили дорогу, и они остались там. Никто же не думал, что немцы появятся. Если я не ошибаюсь, немцы к нам пришли в сентябре. Дорогу разбомбили, и я осталась с тетей и бабушкой. У тети на третий или четвертый день муж погиб, была похоронка. У нее осталась Галя - пять лет, Ниночка - три года, Люся - полтора года, бабушка парализованная и мы. Бабушка где-то на лесоповале была, и ее деревом придавило. Она плохо говорила.

В деревне остались старики да дети. У нас были окопы вырыты, потому что немец приближался.

Под Ленинградом был Ижевский завод. Раньше он выпускал сельскохозяйственную технику, а во время войны – танки. Его наши заминировали в радиусе 3 км. Так немцы его и не взяли.

А нашу деревню всю сожгли. Немец шёл, а у него за спиной был бензиновый бак со шлангом. Один под крыши бензин разбрызгивал, а второй факелом поджигал дома, деревня горела с обеих сторон. Когда мы пришли в город Пушкин, первое, что я увидела, большая аллея и дача Жданова. Напротив дачи Жданова была электрическая перекладка, а на ней 7 подростков, лет по пятнадцати – семнадцати, были повешены. Наши военнопленные пушку тянули, а немец сидел и курицу щипал. Вот это мне запомнилось на всю жизнь. Нас загнали в подвалы Александровского дворца. Там было несколько сотен человек. Немцы, конечно, были везде. Я ходила на совхозные поля: там капуста и картошка были еще не убраны. И вот один раз пошла на поля, но что-то меня остановило. Я встала буквально на секунду, и в этот момент мимо меня пронесся очень горячий ветер. Это был снаряд, который пролетел буквально передо мной. Если бы я не остановилась, меня бы не было. Вот такая моя судьба: в Ленинград не попала, и снаряд мимо пролетел.

На строениях, которые остались, были прибиты таблички с надписью: «Кто дальше пойдет - будет расстрелян». Но мы, девчонки, все равно ходили. Помню: лежала лошадь убитая, вздутая, мы топориками отрубим кусок мяса и принесём домой. Тётушка сварит, и мы ели. Есть ведь надо было что-то. Вот такую мы жизнь прожили.

Жили мы во Дворцах, а потом немец нас вывез под Гатчину. Вели нас как пленных, с собаками. Начался тиф. И я заболела тифом, но у меня это быстро прошло. Мне было тогда 15 лет. Заболела тетушка, за 40 температура. Её поместили в специальный лагерь. Я осталась с детьми. Бабушка тогда уже умерла. Нас немцы немножко кормили. Давали небольшую буханку хлеба наполовину с опилками и баланду.

И вот я пришла в барак, говорю тёте: «Нас увозят, что мне делать с ребятами?». Она сказала, чтобы ехала.

Ветеранам п. Новая Вилга посвящается...

Нас вывезли в Эстонию. Там тоже был большой лагерь. В этом лагере даже военнопленных сжигали. Стелили бревна, потом людей, потом опять бревна, потом опять людей и такой кучей сжигали. Нас туда не пускали, но гарь чувствовалась.

Когда наша тётя очнулась от тифа, ей сказали, что нас вывезли в Эстонию, а куда именно – не знали. Какими способами она попадала в Таллинн, не знаю. Кто-то ей сказал, что основной народ вывезен в Клоку. Клока была обнесена колючей проволокой, и нас никуда не выпускали. Я очень боялась, что меня разлучат с племянницами, и про себя думала, что я не отдам их в детский дом, не отдам, как-нибудь сама буду растить. Там у меня умирает самая маленькая Люся, хоронили её всем детским домом. Мужики гробик сделали. Потом нас нашла тётюшка. Заходит воспитатель, как сейчас помню, Фрайнпобуй её фамилия, и говорит: «Здесь есть трое детей, но не знаю ваши или нет. Поглядите». Галя и Нина сразу узнали её, закричали: «Мама пришла, мама пришла!» Она нас забрала оттуда, и мы поселились в другом бараке.

В Клоке у нас умерла Ниночка. Мы с тетушкой её хоронили вдвоем. Была зима, мороз. Сами могилку выкопали, сами на саночках увезли и сами похоронили. У нас осталась Галя. Мы с ней уже считались трудоспособными. В это время финнов стали увозить в Финляндию. Так как я по паспорту финка, то нас тоже увезли в Финляндию. Никто не спрашивал, хотите ехать, не хотите – посадили на корабль и увезли. В Финляндии мы тоже были в карантине. Сначала отправили в город Ханко, а потом под Хельсинки. В Лохья тоже был свой лагерь, приходили хозяева, искали себе работников. Меня забрала одна госпожа. Она имела свой магазин. Мне тогда ближе к 16 годам было. У хозяйки была дочка, ходила в садик. Я должна была выполнять все дела по дому – прислужкой была. А тетушку забрал хозяин. Она уехала совсем в другой город, в Микхель. В Финляндии я быстро овладела финским языком, т.к. немного знала его с детства. Ходила переводчиком, переводила с русского языка на финский.

Пробыли мы в Финляндии недолго. Война закончилась, и русские приехали забирать своих подданных. Русские и финны менялись военнопленными.

Я всегда мечтала уехать домой, потому что мама и сестра оставались в Ленинграде. Но тетя Катя, по-моему, хотела остаться. Она была молодая, ей было 36 лет. Она знала, что её муж погиб. Тётя Катя познакомилась с военнопленным карелом – Петром звали. Он был родом из Олонца. Они хотели пожениться и остаться в Финляндии. Хозяин даже им домик выделил, думал, что они будут там жить. Она была беременна от Петра. Но ему, как военнопленному, остаться не разрешили, поэтому и тётя Катя решила ехать домой. До границы нас везли в хороших финских вагонах, а на границе пересаживали в грязные вагоны. На какой-то станции нам кинули кислой капусты.

Нас провезли мимо Ленинграда в Новгородскую область в деревню Меранега. Это была глухая деревня. Жители говорили, что у них и до войны было плохо с хлебом.

Паспортов нет, работы нет, денег нет. Тётя, отчаянная головушка, говорит: «Поезжай в Эстонию. Там можно что-то продать или поменять». В поезде нас солдаты спрятали. Мы под лавочки легли, а они шинели пониже опустили. Приехали в Эстонию.

Эстонцы жили богато. У них были стада коров, стада овец. Мы пастухами работали. Вставала в пять часов утра, доила коров, а потом пасла. Я жила и работала на хуторе, а потом еду везла тётю и обратно ехала на заработки. А потом и тётю уговорила переехать. Жили мы с ней в разных домах, но рядом. А у моего хозяина жил молодой человек – Бойцов Михаил, эстонец, а мать была австрийка. Он из детского дома. Хозяйка мне говорит: «Что ты мучаешься, выйди за него замуж». У него где-то были свои земли. Родители умерли, а их, пятеро детей, забрали в детский дом. Я познакомилась с Мишей, и мы сошлись. А у меня не было паспорта. Я хотела получить паспорт и стать эстонской, тогда мне разрешили бы жить и работать в Эстонии, а так работать было нельзя. Хозяин меня скрывал, в любой момент мог прийти участковый, выгнать меня и

Ветеранам п. Новая Вилга посвящается...

хозяина наказать. Однажды я приехала к тётушке в гости, а ее там нет. Мне сказали, что она меня ждала, но я долго не приезжала, и она уехала в Карелию.

Я говорю своему эстонцу: «Ты как хочешь, а я поеду в Карелию. Я не буду здесь жить». Я хотела уехать в Петрозаводск, но он уже был перенаселённый, и не разрешили остаться. Меня завербовали в Шёлтозеро. Сказали, что здесь недалеко есть совхоз имени Зайцева, и я пошла его искать. Смотрю: наша Галька бегает по поселку. Вот так я нашла тетушку. Тётя Катя попросила директора взять меня на работу. Я работала дояркой три с половиной года. По двенадцать - пятнадцать коров вручную доила, аппаратов тогда не было. Вставали в четыре часа утра, нам некогда было спать. Тут родился у меня сынок. Вовка, а потом родилась дочка Лиля. С работы я ушла, так как нужно было заниматься детьми. Муж мой был маляр и меня научил малярить. Когда Лиля подросла, я ходила с ним красить. Так мы жили 11 лет. Потом переехали в Новую Вилгу. Мы жили напротив сельского совета, где старый детский садик был. Муж стал работать в столярке, он у меня мастер на все руки был.

В декабре 1963 года за 2000 рублей купили дом, в котором живём сейчас. В доме было очень холодно. Я заболела и долго лежала в больнице. А муж в это время перестраивал этот дом, поставил новые печки. Когда я пришла из больницы, дом был уже почти перестроен. Тут случилось несчастье: муж попал в автокатастрофу. Он прожил три дня и умер. Я осталась больная с двумя детьми. Нужно хоронить мужа, а у меня 40 рублей. Но мне все села помогли: и Бесовец, и Вилга, и Виданы. С совхоза принесли корзину мяса, капусту, огурцы. Подружки сделали веночки, гроб сделали в столярке, машины дали. Похоронила. Был август месяц. Детей собрала в школу. И видимо, мне помог бог, я стала поправляться, с тех пор больше желудок у меня не болел.

Вырастила двоих детей, двух внуков, а теперь двух правнуков помогаю растить.

Логинава Валентина Анатольевна

Мой папа родился в г. Петербурге. Сейчас существуют кадетские корпуса, и тогда существовали. Мой отец закончил кадетский корпус. Он очень любил свою страну, был очень честным человеком.

Перед революцией папа был офицером. К тридцати годам стал полковником. Он работал на поезде, который возил Николая II. Грянула революция, Николай II отрёкся от престола, т.к. не хотел большой крови. Но кровь всё равно пролилась.

В то время отцу предложили стать бойцом Красной армии, но он сказал: «Я верен царю, я ему присягу давал. Я на это не могу пойти». Многие солдаты перешли в Красную Армию. Многих, кто не перешёл, расстреляли. Отец мой решил, что надо отсюда уехать на какое-то время.

Сели на пароход в Новороссийске. Они не хотели ехать ни в Америку, ни в Англию, ни в Австрию, а хотели в славянскую страну, близкую русской душе. И поехали они в Югославию. Вначале они остановились в Дамаске. Очень красивое место – сказочное. Когда пароход остановился, папе пришлось решать проблему: где остановиться, что делать. И в это время родителей пригласили в Белград. Отец имел высшее образование, стал топографом в военно-инженерном институте. А мать моя изучала иностранные языки. Она переводила телеграммы с русского на сербский язык, он очень схож с нашим. Поэтому

Ветеранам п. Новая Вилга посвящается...

она быстро выучила его и переводила международные телеграммы. Родители жили, не принимая югославского подданства. Им предложили принять его, но они отказались, потому, что любили свою родину и обязательно хотели вернуться обратно. За свою работу они получали 50 процентов заработка. Нормальной жизни у них не было, но зато была двухкомнатная квартира. Потом родилась я. В 1930 году 23 декабря в г. Белгороде началась моя жизнь.

Всё было хорошо до 12 лет. А потом началась война между Советским Союзом и Германией. Отголоски этой войны пришли, когда мне было 12 с половиной лет. Открылся второй фронт, и американцы начали бомбить Белград. Эти страшные моменты я ощутила на себе. Я помню, как чёрной тучей летели самолёты над головой. Мы стояли с мамой, папой на улице, и я говорю им: «Смотрите, сколько парашютиков летит!». А это летели бомбы. Мы не знали, куда деваться, забежали в квартиру. Вот так для нас началась война. В городе Белграде всех коммунистов вешали вдоль центральной улицы. После бомбёжек пришли немцы. Хозяева магазинов, когда узнали, что немцы в городе, открыли их и сказали: «Берите всё, что хотите, главное, чтобы не досталось немцам». Кто что мог, то и брал.

В это время я училась в гимназии. В Белграде специально для детей эмигрантов была русская гимназия. В гимназии было 12 классов, и все заполнены учениками. Вот сколько русских уехало из страны, не говоря о том, сколько уехало в Америку, во Францию и в другие страны. Бежали, как от чумы. Если у тебя было 2 коровы, то ты кулак. Забирали детей и отправляли в детский дом, а родителей - на каторгу, а то и расстреливали. А в чём они виноваты? В том, что хорошо своё хозяйство вели и двух коров имели? Много тогда было ужасного, я всего не могу описать, но знаю по книгам и по жизни. Все, кто уехал, переписывались с друзьями, родственниками, оставшимися в России, спрашивали, можно ли вернуться. Но им отвечали: «Пока нет, нет пока».

Когда началась война, мы ходили в гимназию только два раза в неделю. Страшно было. В любой момент могли начаться бомбежки, а когда начинали бомбить, мы уходили в бомбоубежище. Такой страх, такой ужас! У меня от этого ужаса, от воя сирен всё время кровь из носа шла. Этот кошмар не описать.

Это ужасно! Не дай Бог никому это пережить.

Однажды пришёл офицер к нам в гимназию и говорит, что нужно срочно ехать в Германию убирать картошку. Немцы знали, что мы дети эмигрантов из Советского Союза. Сказали дату, велели взять с собой все необходимые вещи, а тем, кто не подчинится, расстрел. Прятаться нам было негде. Да и все знали, что один сосед спрячет, другой выдаст. Выхода не было. Мама со мной поехала, сказала, что может там медсестрой работать. Погрузили нас в эшелон и привезли в Германию на картошку. Немцам тоже было трудно, ведь всё взрослое мужское население было на войне, и мы должны были им помогать. Привезли нас в Лейпциг. Оставили вещи, и пошли мыться в душ. Потом опять посадили в поезд. Я смотрю – нет мамы. Оказывается, её отправили в другой лагерь. Она попала в лагерь Маутхаузен. Я оказалась с совершенно незнакомыми мне людьми. Нас привезли на остров Рюгин в Померании – в северной части Германии. На этом острове был огромный концентрационный лагерь, всех распределили по возрастам. Здесь была молодежь со всего мира: из Албании, Франции, Италии...

Ветеранам п. Новая Вилга посвящается...

Рассказывали, что самых старших, которым было по 16-17 лет, учили строевому делу, а потом посылали на передовую впереди немцев. Они шли как «пушечное мясо». Возвращались в этот лагерь единицы, остальные оставались на поле боя. А от нас в лагере большой пользы не было: отправляли носить какие-то мешки, посылали на поле. Один раз на поле был добрый начальник, дал нам спички и разрешил печь картошку. А в лагере давали миску баланды в день, а утром и вечером по куску хлеба и кофе. Какое-то время я жила там, а потом мне заявили: «Вы не подходите по возрасту, вас надо отправить в другое место». Меня посадили в поезд, и я оказалась в городе Берлине. Когда мы уезжали из города Белграда, в нашем доме стала жить русская эмигрантка, которая вышла замуж за немецкого офицера. Она дала моей маме свой адрес в Берлине, велела его запомнить наизусть, и сказала: «Если будешь в Берлине, дай мне весточку».

Мама жила в бараке и, имея высшее образование, работала на кухне, чистила картошку. Видимо, она дала весточку своей подруге... Она, наверное, что-то сделала, когда мне сказали, что я по возрасту не подхожу.

Меня должны были отправить в бывшую Чехословакию. В то время она уже была оккупирована, там были детские лагеря для детей такого возраста как я. Когда я переехала в лагерь в Чехословакию и сказала свою фамилию, все женщины забежали и заговорили: «Надежда, Надежда». Я села на крылечко, сажу с рюкзаком и смотрю - сверху спускается мама. Это все Дуброва сделала - добрая душа. Она и маму вытащили из Маутхаузена и отправила в детский лагерь работать санитаркой. Я увидела свою маму, поверьте, это была сказка. В 13,5 лет во время войны увидеть маму, когда думала, что я круглая сирота. Это надо пережить!

Вдруг я, к счастью, заболела корью. Приезжает какой-то генерал, сортируют всех по возрасту, я тоже подхожу. Но я вся красная лежу в изоляторе, и меня временно оставили с мамой. Когда я встала на ноги, меня опять увезли от мамы. Но теперь я знала, где она, и она знала, куда меня отправляют.

Закончилась война, я оказалась в немецком городе Аура. Через этот город проходили советские войска, французские и даже американцы. А мы лежали в кинотеатре на нарах, где раньше жили солдаты. Были голодные, потому что уже ничего не было. Раз в день нам приносили огромный котёл гущи. На весь день давали железную кружку гущи и 3 таблетки сахарина. Это кормил нас Международный Красный Крест. Мы ходили по помойкам, находили очистки от картошки, от свеклы, отходы какие-нибудь. Когда могли, ходили в пригород, траву собирали. Потом уже не было сил, стали заедать бельевые вши. Один раз я шла по лестнице и чувствую, что у меня ноги подкашиваются, все перед глазами поплыло, меня привели под руки.

Среди нас была русская женщина Марина Алексеевна Нефедорова, я не знаю, как она попала в Германию. Она окончила институт благородных девиц. Немцы нам говорили: «Вы дети русских эмигрантов. А как только будет советская зона, вас всех поставят строем и повесят. Молите бога, чтобы американцы за вас заступились».

Однажды, как сейчас помню, заходит офицер с золотыми погонами и с ним человек пять военных и говорит по-русски: «Здравствуйте, дети». А Мария Алексеевна говорит: «Господин начальник! Повесьте меня, а детей не трогайте». Он: «Я не понимаю, о чём Вы говорите? Мы никого вешать не собираемся. Нам Международный Красный Крест сказал, что здесь русские дети, и мы должны вам помочь». Они принесли нам хлеб, повидло и сказали, чтобы мы поделили это поровну, но много не ели. Нам досталось по кусочку хлеба и по ложечке повидла. Это было такое счастье! Я до сих пор не могу спокойно смотреть, как выбрасывается хлеб. На следующий день они приехали на автобусах и нас всех, вшивых, грязных, посадили в автобусы и повезли в город Анеберг, в Саксонию. Привезли нас на виллу, где отдыхали немецкие офицеры. Это был огромный дом с хорошей мебелью. Нас сразу отправили на обработку, намазали головы керосином, выдали новую одежду. Первая наша еда – это манная каша с повидлом. Много не давали, хотя дети и просили. Ведь сразу после голода много есть нельзя.

Ветеранам п. Новая Волга посвящается...

Одели, обули, кормили хорошо, и через Международный Красный Крест моя мама нашла наш лагерь, и приехала ко мне. Но мы не знали, где отец, во время войны потеряли с ним связь. Но в конце войны отец нашёл нас. И тут по радио объявили о том, что все русские, которые попали в Германию, могут вернуться. Сталин тоже сказал, что русские могут вернуться на родину, преград не будет. Отец всю жизнь мечтал «положить свои кости на русской земле». Мама была против. Она хотела вернуться в Югославию. Ведь русских, которые попали в плен, после возвращения отправляли в лагерь. Многие попадали в плен без сознания, контуженные. Никому не верили, всех сажали. И нам один офицер сказал: «Анатолий Николаевич, не делайте большую глупость. Сейчас такая тяжёлая жизнь в России. Как вы жить будете? Вам никто не поможет». А папа настоял на своём. Привезли нас в Россию. Мы, подростки, должны были попасть в детский дом под Куйбышев. Мне тогда было 15 лет. Детский дом, который предназначался нам, отдали детям блокадников. А нас в феврале месяце повезли в Куйбышевскую область, Новодевиченский район с. Куськино. Мы в Белграде не знали, что такое тулуп, пуховой платок. У нас были лёгкие газовые косынки и демисезонные пальто.

Приехали за нами на пяти санях. На каждые сани посадили по три человека и повезли за 12 километров от станции в бывшую церковь, которую забелили, покрасили. А в том месте, где алтарь, где святое место, поставили туалет. Но мы, дети, видим, что это церковь. Потёрли стены, а там иконы, мы начали плакать, потому что все были верующие. Нас привели в столовую на политчас и говорят: «Вы плачете, что тут иконы, церковь, а никакого Бога нет. Есть только Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Ленин и Сталин. Вот на них и надо молиться, а особенно на Сталина. А это все чернота». Мы слушали, но ничего понять не могли, где, правда, где ложь?

Я хорошо закончила восьмой класс и поехала учиться в Сызрань на воспитателя детского сада. Со мной учились девочки из Германии, из Америки. Их родители стали писать письма Молотову о том, что их детей без родительского разрешения забрали и увезли, что дети ни в чём не виноваты. Потом пришла машина, забрала детей и их отправили на родину. А мы остались здесь жить с папой и с мамой. Вот такая непростая была у меня жизнь.

Полькова Лидия Алексеевна

Я родилась в Вологодской области, Вытегорском районе за Онежским озером - тогда был Андомский район, 3-го апреля 1928 года. Деревня называлась Великий двор. Там я жила до 5-ти лет. А время было голодное - 33-ий год. Папа уехал работать в Новгородскую область, потом пригласил нас туда. Мама боялась ехать, нигде не бывала. Папа работал по лесному делу, а ведь у всех тогда была своя земля, хлеб растили. К нам пришли, наложили налог (тогда продразверстка была), и весь хлеб мама отдала государству, остался картофель в яме, ну а ведь есть такие любители деревенские, которые всю картошку с ямы увезли. Есть было нечего. Я помню, как мы голодали. Но у нас тогда осталась лошадь.

Мама съездила в Архангельскую область, продала некоторые вещи, взамен купила гороховой муки и ещё какие-то продукты. Потом мама сдала лошадь в

Ветеранам п. Новая Волга посвящается...

колхоз, и мы уехали в Новгородскую область. Там прожили около двух лет.

В 40 году папе предложили работу в новой организации «Куйбышевстрой» в Ошты, он согласился и мы переехали. Я училась в 6 классе. А летом началась война. Папину организацию ликвидировали, мужчин забрали в армию, а папу назначили начальником запани (с севера сплавливали лес, а в запани его вылавливали) в 12 км от Ошты. У него лошадь была, он научил меня ездить верхом, у него даже седло было дамское. Шла война, поэтому мы в сентябре не учились. Я была у папы вроде курьера, перевозила документы от запани в Ошту и обратно, которые ему посылали. Когда враг подошёл близко к Оште, нас эвакуировали в Мегру. Везли на лошадях. Нам там дали квартиру. А 18 ноября папу взяли в армию. Ему тогда было 40 лет. Его отправили на передовую. Было очень холодно, но я провожала папу, прошла вместе со строем километра три, а потом вернулась.

Нас у родителей было четверо. Все девочки. По возрасту я была второй. Я стала ходить в школу. У нас была корова, но сена не было. Начальник Горской запани давал нам лошадь, и мы раза три или четыре съездили за сеном. Вот так корову и сохранили.

Однажды мы с мамой пошли в Мегру. Летят самолеты на фронт, мы понимали, что летят бомбить врага. Прошло немного времени. Видим, что наш бомбардировщик летит назад, а над ним немецкий самолёт. Они летел над рекой, а мы с мамой рядышком по берегу идем. Потом около нас что-то плюхнулось в воду. Мы на тот момент не успели сообразить, что он в реку сбросил бомбу. От нас это было очень близко, еще чуть-чуть и бомба могла бы попасть в нас. Потом наш самолёт загорелся и стал падать, а «Мессер» улетел. Но наши лётчики успели выпрыгнуть с парашютами и приземлиться. Мужчины быстро пошли искать упавших лётчиков. Радист спасся, но он думал, что это захваченная территория. Когда он пошёл к самолету узнать, что там случилось, увидел, что пулемётчик разбился, т.к. у него не успел раскрыться парашют, очень близко был к земле. А лётчик вывел горящий самолет в стог сена и сгорел. Это первые мои военные впечатления, очень страшные.

Девочка училась со мной в одном классе, мы сидели с ней за одной партой. Их семья была эвакуирована из Петрозаводска, и они жили у родственников. Однажды она не пришла в школу. Разнеслась весть по школе, что её маму убили. Колхозники получали на складе хлеб. Собралось человек десять, но точно не знаю. Немецкий самолёт увидел людей и по ним дал очередь. А мама моей подружки сидела у окна зашивала что-то, осколки попали в окно, убив её. На меня это произвело очень сильное впечатление. А потом стали обстреливать, даже если идешь один. Мы только увидим, как что-то летит, - сразу в сугроб. Зимой наши мальчишки навоз вывозили на поля. И в мальчишек стреляли. Сын папиного двоюродного брата, он постарше меня был, возил почту за 30 км. Один раз его обстреляли, и снаряд попал в голову. Вот такая война была.

Весной, 20 мая, когда фронт уже ушёл дальше, мы сдавали экзамены. В конце мая я закончила седьмой класс. После этого нас отправили домой, там жила бабушке. Маму с детьми отвезли машине, а я осталась. Потом мама вернулась и мы три дня шли пешком и гнали свою корову. Вот такое у меня было детство, такая была нелёгкая война.

Папа вернулся в октябре 1945 года контуженный. Я ездила его встречать в Вытегру. У него осталось в теле очень много осколков, хотя делали операцию. Он и умер скоропостижно, наверно, из-за того, что маленький осколок попал в кровь.

В 1946 году я поехала поступать в институт в город Петрозаводск. У меня были хорошие способности по математике. Поступила, училась, а потом папа умер. Я поехала домой. Средств на обучение уже не было, и меня уговаривали идти работать. Мне предложили работу учительницей начальных классов. Я подумала и согласилась. Зарплата была не велика. Стала работать, мне понравилась. Мне мальчишки показали диaposитивы, которые учителя не использовали. А я стала показывать детям эти стеклыш-

Ветеранам п. Новая Вилга посвящается...

ки с изображениями. Зажигали керосиновую лампу, чтобы изображение было лучше. У детей это вызывало восхищение. Первый раз показала им Кавказ, а там ведь красота необычайная – горы, море, они же этого не видели. Даже самой интересно было. Показывала опыты со спиртовкой, правда, в ней керосин был. Например, движение воздуха: куда движется тёплый воздух, куда – холодный.

Наша школа называлась Гуляевская. Я в этой школе сама училась 4 класса. Работали 8 учителей. Однажды к нам в школу приехала инспектор, биолог. Пришла ко мне на урок. Я показала урок естествознания. После урока она меня похвалила, конечно, мне было приятно, значит, у меня что-то получается.

А летом я забрала документы из Петрозаводского института и поехала поступать в институт в город Вологда. Поехала через Ленинград, а там у меня жила в общежитии подруга, к которой я заехала. Она меня уговорила поступать в Ленинграде. Я пришла в Герценовский институт и меня приняли. Так я работала и училась. Проработав 6 лет, я вышла замуж и с мужем уехала в Мурманскую область, в Печенгу.

Там от дома Офицеров работала вечерняя школа, а учителей не хватало. И меня взяли учителем физики. Я год там преподавала физику. Но мне на севере было очень плохо. Я уехала домой, а муж остался, ему надо было дослужить. Приехала домой, меня приняли опять в школу на работу. Стала работать математиком, дали мне два 5-ых класса и 6 класс. Потом муж вернулся, службу уже заканчивал в г. Петрозаводске. И вот мы с семьёй приехали в Петрозаводск. Пошла устраиваться на работу. Трудоустроилась в 18-ую школу в Новой Вилге (тогда наша школа относилась к Петрозаводскому ГУНО) Приехала я, а остановка была при въезде в Новую Вилгу. Выхожу я из автобуса, со мной никто больше не вышел. Сидит мальчик на мосточке, я спрашиваю:

- Ты знаешь, где здесь школа?

- Знаю.

- Как тебя звать?

- Степан Вархопович.

Это было первое знакомство. Он проводил меня до школы, показал её. Пришла я в школу, а там был только технический работник, боевая такая женщина. Она говорит мне: «Вот такая у нас школа, смотрите. Сейчас заведующую заменяет учительница русского языка. Она вот там живет». Опять этот мальчик меня отвел к дому, где жила Преловская Таисия Матвеевна. Мы познакомились: у неё двое детей, и у меня маленький сын.

И я стала в Вилгу ездить. Знакомилась, вела уроки... Когда посёлок построили, очень много белорусов приехало. Лукашевич Евдокия Ивановна, она у нас работала секретарём, однажды мне и говорит: «Лидия Алексеевна, вас ребята не понимают». Вот и первая проблема! Пришлось мне начинать все с нуля.

Первых учеников я хорошо помню. Это Казачук Георгий, Вархопович Степан, Галя Матвеева, Зина Левкович, Валя Губина. Из Вилги двое ребят ходили. Все хорошо по математике учились. И из других классов много ребят помню. Классного руководства тогда у меня не было.

Коллектив учителей был дружный. Я преподавала физику и математику. Русский язык и литературу – Преловская Таисия Матвеевна, биологию – Владимирова Екатерина Андреевна, английский - жена военного, у неё отец генералом в городе был. Мы были примерно одного возраста. А когда мы приехали, в школе было всего два класса начальной школы и два учителя: Лидия Александровна Рубаева и Антонина Павловна Комиссарова.

В первой деревянной школе было четыре классных комнаты. В трех занимались мы, а малыши в две смены учились. Все работали одинаково. Участок не только же учитель биологии должен обрабатывать, и мы это делали. Кроликов держали, ребята за ними ухаживали. Дрова привозили, ребята всегда складывали в дровяник. Собирали в огороде ягоды, овощи. Учителя предложили сварить варенье, чтобы День урожая спра-

Ветеранам п. Новая Вилга посвящается...

вить. Помогли родители. Всей школой праздновали, садились за стол, пили чай с вареньем, угощались. Было очень интересно.

Учителя на уроках всё больше писали мелом на доске. А по физике надо ещё опыты показывать. Прислали приборы, их было маловато, все они уместились на двух полках. Потом я сама в магазин наглядных пособий ездила и все, что нужно было, заказывала.

А потом у меня свои дети подросли: сын пошёл в пятый класс, дочка Таня пошла во второй. Мама не смогла глядеть за ними, ей было тяжело. Я еще раньше хотела перейти работать в городскую школу, чтобы свои дети были под контролем. И вот я тогда решила в двенадцатую школу перейти работать, где мои дети учились. Я становлюсь классным руководителем собственного сына. (Кстати, в деревне в Вологодской области учила двоюродного брата, маминого племянника, Тамару – родственницу.) Я там пять лет проработала, но мне не нравилось. Отношение плохое. Коллектив есть коллектив. А в Вилге физику и математику вести некому было. Анна Николаевна Яковлева тогда директором была, поехала в министерство просвещения и попросила, чтобы меня вернули. И вот переводом меня сюда назначили снова.

21-го мая я вернулась. Вернулась, а ничего не осталось: ни приборов, ни шкафчиков. Мне пришлось заново всё восстанавливать. Я очень старалась, а уже требования стали другие. Нам выделили деньги, и мы купили современное оборудование, и мне потом не стыдно было показывать кабинет.

Самые любимые ученики - первые. С ними на лыжах ездили, катались с горок и пьесы ставили. Было интересно и ребятам, и мне. Стивкина Люда стала логопедом, Люба Голубкова - математиком, закончила математический факультет, Матюшкин Коля – врачом. Хорошие ученики были в Новой Вилге. Еще последний свой выпуск помню. Когда мне было 70 лет, они меня поздравляли. Лукьянов Саша был хороший математик, участвовал в олимпиадах и занимал первые места. Его взяли в Ленинградскую математическую школу. Один из моих выпускников стал доктором геологических наук. Он преподавал в Ленинградском Горном институте. Вспоминается такая история: ему по делам нужно было в Петрозаводск приехать. Встретил он тут свою сестру прямо на проспекте Ленина. И вместе с сестрой меня стали искать. И ведь нашли, кто-то посоветовал, чтобы искали в Сулажгоре. Они в Сулажгорскую школу приехали, а у меня там сын учился, он и показал дом.

А у нас такой маленький, отдельный домик был, барак - не барак. Я вышла, стоит молодой человек передо мной. Он только закончил институт.

- Здравствуйте, Лидия Алексеевна!

- Здравствуй, Шурик.- Это был Телегин Шурик.

- Вы что, меня не узнали?

- Шурик, много чего изменяется в организме, но глаза твои такими и остались, а ведь я вас всех помню по глазам. Когда вы сидели за партами, я видела все ваши глазки. Это твои глазки!

- А я думал, Вы меня не узнаете, сюрприз хотел Вам сделать!

Посидели у нас, потом ещё встречи были! Вот так ученики запоминаются!

Я никогда не жалела, что стала учителем. Надо было работать всё дальше и дальше. Потом школа в новое здание пе-

Ветеранам п. Новая Волга посвящается...

реехала, а весной исполнилось мне 55 лет. Осенью меня проводили на пенсию. Потом я ещё 5 лет работала лаборантом. Вот такая у меня жизнь!
Сейчас мне 80 лет...

2008 год

Лидия Алексеевна ушла из жизни в июле 2009 года. Вечная ей память.

Мошников Григорий Алексеевич

«Родился я в Заонежье: в Великой Губе Медвежьегорского района в 1921 году. 23 января мне исполнилось 80 лет. Вырастил детей, жена учительницей работала. Дочка тоже учительницей работает.

В сороковом году меня забрали в армию, а через десять месяцев началась война. Страшно нам было. Я был в лагерях за городом Сортавала. Вечером, в палатке мы заполняли «смертные медальоны». На них были написаны номер части, домашний адрес или адрес родственников. Эти «медальоны» носили в маленьком кармашке солдатских штанов.

Вот так мы заполняли и думали, неужели жизнь наша закончилась, а жить-то хочется. Ведь нам тогда было всего по 19-20 лет.

Я остановлюсь на том, что мы к этой войне готовы были очень плохо. В призывной состав нас собрали, обмундирование нам выдали: ботинки, бурки, буденовку и байковые перчатки, а винтовок нет. Их просто на всех не хватило. Мне повезло, мне винтовка досталась, а у других-то нет. Так и начали мы войну без винтовок.

Потом мы начали отступать, на двенадцатый день меня контузило, я без памяти был. Проснулся уже в медавтобусе, госпиталей как таковых не было. После контузии целых полгода не мог голову повернуть, но на войне это не самое страшное. Было ещё ранение в 1943 году в День Советской армии (мы были тогда в Ленинградской области). Получил ранение в ногу, было много крови.

Мы отступали, гражданское население тоже покидало свои родные места, немцы-то не очень русских жаловали... Помню Петрозаводск, нефтебазу взрывали там. В городе – паника, самая настоящая была паника: люди обозами шли, пешком шли, с детьми шли. Страшная картина была.

Через полгода наступило затишье, территория наша оккупирована была финнами: Пудожская сторона и Водлозерский район. У меня родители там были. Три года с ними связи никакой не имел, и вдруг произошел такой случай: получаю я письмо от своего сослуживца, Горбин – его фамилия, его отправили в часть, чуть дальше Лодейного поля. Он спрашивает: «Есть ли у тебя братья? Опиши подробно». Я ему ответил, рассказал о своих родных. А вскоре получил письмо от родного брата! Оказывается, Горбин служил вместе с ним в пехоте. Так мы и вышли на связь. Вот какие чудеса на войне бывали!

Повторюсь: мои военные действия начались в городе Сортавала. В лагерях, в палатках жили. Зимы были очень суровые, мы закалялись.

Ветеранам п. Новая Волга посвящается...

Зимой и летом занимались физическим трудом. Надо отдать должное нашей медицине: она хорошо следила за здоровьем солдат. В 1942 году кормили хорошо, в 1943 уже похуже: запасы в столице были скудными, большая территория была оккупирована, женщины и дети снабжали нас питанием. Давали по 800 грамм хлеба. Хочется поблагодарить наших союзников-американцев, они снабжали нас консервами, одеждой, обувью.

В нашей части было 800 человек, отряд «отсеивали»: выбирали тех, кто нужен был. Я был шофёром-трактористом.

Представьте: морозы, машины надо прогревать. Было 10 машин, 10 солдат по очереди прогревали их, чтобы быть всегда готовым к бою. Медики нам по 100 граммов наливали, чтобы не замёрзнуть, это нас и спасало – «солдатские 100 грамм». Старшина из чайника наливал, мы ободрялись.

Попадать в засаду нам не приходилось, потому что в нашей механизированной части все машины и трактора были под особой охраной, исходя из этого, нас было трудно окружить.

День 9 мая 1945 года нас застал так: в три часа ночи, я помню, мы в казарме жили в деревне одной. Радио передавало переключку в три часа ночи. Переключка была между главами государств, чтоб весь мир слышал: из Америки выступали, Англии, Испании. Народ весь радовался, в том числе и мы выбежали на улицу. В четвёртом часу гражданское население танцы устроило. Это было в Великой Губе. А мы, солдаты, совсем одичали, не знали танцев никаких. Девушка подходит к нам, солдатам, и говорит нам: «Пошлите танцевать». А мы три года женского коллектива вообще не видели. Нам не до любви было, трудный период был.

Дальнейшая судьба у меня интересная: где я только не был, и в Москве, и в Омске был. А потом вернулся домой, будущая жена тогда учителем работала, она была на год младше меня. Вот и познакомились мы в 1947 году. Вот как судьбы складываются: полстраны исколесил, а свою любовь нашёл у нас, в Карелии...

- Приходилось ли Вам попадать в засаду?

- Нет, не приходилось, потому что наша механизированная часть (машины, трактора) была под особо охраной.

- А какая для Вас медаль самая дорогая?

- Нас не баловали наградами. Расскажу маленький эпизод: осенью в 1941 году прибыли в Вознесенье, Свирь уже становилась (покрывалась льдом). Здесь было большое скопление войск. Вот начальник гарнизона, капитан 1 ранга (старичок) объявляет, что военная часть около Ладвы находится в сложном положении, её окружили финны. Надо было выручать. Я тогда был комсомольцем. И мы на тракторах: я, Лагудин и Завитаев из Тихвина (командир отделения) – взяли гранаты, тросы, горючее и ночью поехали оказывать помощь. Нас предупредили о том, что запущено много диверсантов. Поэтому мы сделали маскировку на фары – козырьки, чтобы освещало только метров 10. Ехали потихонечку. Под утро, когда солнце вставать стало, бежит навстречу комиссар и спрашивает «Куда братцы?». А командир отвечает: «Артиллеристов выручать надо». А комиссар говорит: «Вот молодцы!»

- Григорий Алексеевич, а были у Вас друзья на фронте?

- В моем альбоме хранится пожелтевшая фотография: на ней я со своими фронтовыми друзьями. Мы с ними всё время дружили, поддерживали друг друга в суровые военные годы. Но раскидала нас судьба: один друг в Пензенской области – Тимонин Андрей Феофанович, а другой – Лабудин – в Калининне. Сейчас даже не знаю, живы они или нет. Андрей старше меня на 3 года, в последние годы мы не поддерживали переписку, только фотография на память и осталась, а это уже большое счастье!

Составители:

Участники социально-реабилитационной гостиной «Островок надежды»:

- Германова Марина
- Попек Юлия
- Гаспорович О.Е.
- Парфёнова Н. А.